

За чужими
ОКНАМИ

Читайте повести и рассказы
Марии Метлицкой
в серии «За чужими окнами»

Наша маленькая *жизнь*

То, что *сильнее*

Машкино *счастье*

Беспокойная жизнь
одинокой женщины

Второе *дыхание*

Испытание
медными трубами

Всем *сестрам...*

И шарик *вернется...*

Дневник *свекрови*

После *измены*

Ошибка *молодости*

Дорога *на две улицы*

Верный *муж*

А жизнь была *совсем хорошая...*

Ее последний *герой*

Вечный запах *флоксов*

Женский *день*

Кровь *не вода*

Можно я побуду *счастливой?*

Мария
Метлицкая

Женщины,
кот и собака

Москва
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Оформление серии и иллюстрация
на первой стороне переплета *П. Петрова*

Метлицкая, Мария.

М54 Женщины, кот и собака : [сборник] / Мария Метлицкая. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (За чужими окнами. Проза М. Метлицкой и А. Борисовой).

ISBN 978-5-699-91246-9

Что может быть страшнее одиночества? Когда не с кем поговорить, кроме собаки? Когда единственный сын от тебя отвернулся и кажется, никому в целом свете ты не нужна и все лучшее позади?

Евгения много раз слышала о том, что так бывает, но никогда не думала, что это случится с ней. Однако — случилось. И теперь надо было думать, как жить дальше, как справляться с тоской, которая накачивала так часто и так некстати.

«Мы в ответе за тех, кого приручили». Эту фразу Сент-Экзюпери мы повторяем так часто, что она стала затертой, даже банальной. Но нет другого рецепта от одиночества, кроме как найти человека, которому еще хуже, чем тебе, и — помочь, пригреть, «приручить». Порадовать мелочами: тарелкой горячего супа в холодную погоду, незатейливым оливье в новогоднюю ночь, свежевывмытыми полами и наряженной елкой.

Для Евгении это стало рецептом от тоски, лекарством от одиночества.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91246-9

© Метлицкая М., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Слабак

Человек, который презирает себя, всегда презираем другими. Так что все правильно. По заслугам. Сам выстроил свою жизнь и судьбу. Судьба — это характер, характер — это судьба. У Алексея ничего в жизни не получилось. Ни-че-го! А ведь какие надежды подавал! Правда, давно — в детстве и ранней юности. Говорили — талант. Правда, так считала лишь родня — мама, отец. И конечно же, Тёпа. Разумеется, никакой он не талант. Но способности были. Надежды, способности... И где это все? Вот где? В какие бездны кануло? Куда? Неизвестно...

Пыль, туман — испарились. Нужен характер — вот это и есть главная правда.

Не зря говорят: характер — это судьба.

А характера не было... Совсем. Слабак, он и есть слабак, таким и останется.

По счастью, Надежда, жена, ни разу не видела, как он плачет. Сядет на бортик в ванной, воду поильнее и — ревет. Мужчины не плачут, мужчины огорчаются. А он — ревел.

А что обижаться на правду? Жена не должна говорить такие слова?

Не должна, правильно. Но и мужик не должен быть слабаком! Так получается?

Ну, и все остальное: не оправдал ее надежд, нечем гордиться, а вот у других... и т. д. и т. п.

И снова права! Умная баба, в этом ей не откажешь. Умная, сильная.

А что правду-матку лепит в глаза — так она всегда ее лепит! Всем и всегда. Характер такой. Нрав крутой, это да.

Алексей однажды слышал, как она дочери говорит: «Все в жизни уравновешено. Рядом с сильными — слабые. Так и у нас. Да и потом, — тут она рассмеелась, — будь на месте твоего отца настоящий мужик... Да разве бы мы ужились? Лбами бы бились не на жизнь, а на смерть».

Всю жизнь Алексея мучил вопрос: почему она не ушла? Красивая, умная, смелая? Мужики, глядя на нее, шеи себе сворачивали — даже когда ей было уже хорошо за сорок.

Высокая, крепконогая, широкобедрая. Волосы русые — косу на затылке закручивала, а та все равно распадалась — тяжелые волосы.

И брови вразлет — широкие, длинные, к вискам. Глаза серые и очень серьезные, но смешливая — рассмеется, и из глаз словно брызги.

Вернее, когда-то была смешливой.

Учились они в параллельных группах. Он помнил ее пышную юбку в синих цветах — шла она по коридору, и юбка закручивалась вокруг сильных ног. Она злилась, одергивала. А потом вдруг рассмеялась и глянула на него: «Что, может, снять? Ткань дурац-

кая — липнет и липнет! Дурацкая — потому что дешевая!»

В голосе ее были злость и раздражение.

И посмотрела на него вопросительно, словно ожидая совета.

Он растерялся, почувствовал, что залился свекольным соком, выдохнул и вдруг, неожиданно для себя самого, произнес: «Если вы ее снимете, будете еще прекрасней! Я убежден!»

От удивления она широко распахнула глаза, растерялась и хмыкнула: «Смело!» Потом рассмеялась: «Думаю, это не всем понравится! Так что буду мучиться дальше!..»

Не кивнув на прощание, она снова раздраженно одернула юбку и, чертыхаясь, быстрым шагом пошла по коридору к аудитории.

...Очнулся Алексей от тычка в спину.

— Что застыл? — заржал одnogруппник Валька Петров. — Понравилась цаца? Ничего бабеч, а?

— Да ладно тебе, — смутился он. — Цаца... как цаца. Кстати, а кто она? — Алексей изо всех сил пытался скрыть волнение в голосе.

— Надька Смирнова. Не баба — огонь! Огнемет просто. Не дай бог попасть под струю! Спалит без остатка! — И Валька громко заржал. — Сибирь, батенька! Там они все такие, — тихо продолжил он и почему-то вздохнул.

Так и расстались. Только с тех пор не выходила Надя Смирнова из его головы. В коридорах всматривался, башкой вертел по сторонам — вдруг снова увидит?

Встречались, конечно, сталкивались — то в столовой, то в гардеробной, то в холле, то на объединенных лекциях.

Она как будто его не узнавала. Впрочем, кого узнавать-то? Ну перебросились фразами в коридоре, и забыла, наверное. Тоже мне — повод!

Нет, было однажды — он осмелел! Сам удивился своей прыти.

В столовой встал прямо за ней. Подвинулся — так близко, что услышал запах ее волос — едва уловимый аромат сладкого шампуня.

Надя, наверное, почувствовала его близкое присутствие и дыхание, резко обернулась и чуть покраснела.

— С юбкой порядок? — От смущения и страха он совсем «распоясался».

Она чуть сдвинула брови, словно вспоминая, и через минуту кивнула:

— Да, на помойке она! Нервомотка моя!

Но тут же отвернулась и заговорила с подругой, обсуждая, что брать на обед — щи или лапшу.

Алексей завороженно смотрел, как она шла с подносом, выискивая свободное место. Статная, гордая. Взгляд — мимо всех.

На него Надя больше не посмотрела.

«Безнадежно, — подумал Алексей. — Где она и где я?»

На ее орбите никогда не будет таких... Робких, трусоватых, нескладных, неловких.

Да и быть не должно. У таких женщин — свои герои. Куда уж ему?..

Дом свой он любил. И семью свою тоже. Жили они в старой, даже древней, квартире — дому было под сотню лет — девятнадцатый век.

Построен он был как доходный — квартиры всегда сдавались внаем.

Квартиры были разные — большие и не очень. После экспроприации дом был поделен на коммуналки, а квартиры — на крошечные клетушки.

А им повезло — дали отдельную. Ну понятно что по «заслугам» — дед был известным физиологом, учеником Павлова.

В тридцатые деда «сохранили» — ограничились только «шарашкой».

Бабка, вторая дедова жена (первая, мать его сына, скончалась при родах), была тоже не «фунт изюму» — писала детские книжки про беспризорников, возвращенных в детских домах и попавших в «большие люди».

Власть она не славилась — искренне в нее верила, была коммунисткой ярой и убежденной.

К тому же и сама детдомовка, у которой «все получилось».

Деда Алексей не застал, а вот бабка Анна Васильевна жила долго, до конца шестидесятых. На стене в ее комнате висели в ряд Ленин, Сталин и почему-то маршал Жуков — любимый герой. И ни одного портрета писателя у нее, собственно тоже писателя, не было.

Видимо, не нашла она среди собратьев героев.

К неродному сыну, отцу Алексея, она относилась неплохо — ну, как могла. Нежности презирала, ласки и поцелуи были запрещены, баловство, разумеется, тоже. Но относилась к пасынку ровно и заботилась о нем от всего своего неласкового и строгого сердца.

Квартира была трехкомнатной плюс темная комната, как ее называли. Подростком он узнал, что это была комната прислуги. Темной, кстати, она не была — высоко под потолком находилось окошко — узкое и длинное, нестандартное, выходящее на внутренний двор.

Поначалу там хранился всякий хлам, который бабка Анна не давала снести на помойку. А после ее смерти «темная» была очищена и разобрана — и в четырнадцать лет на законном основании там поселился Алексей.

Встали в «темную» только узкая «мальчишковая» кровать, тумбочка и венский стул. Книжные полки он прикрутил сам — что еще нужно?

Бабка Анна занимала среднюю комнату — полукруглую, окнами во двор, — самую уютную и самую теплую. После ее смерти она и стала родительской спальней.

В большой была столовая, как говорила о комнате бабка. Но функций своих она не выполняла — ели по привычке на кухне, так что столовая почти всегда пустовала — мать не любила бабку Анну, побаивалась ее и старалась без дела с ней не контактировать.

Собирались на кухне, широкой, квадратной, с окном во всю стену и огромным овальным столом. Бабка сидела во главе, всегда на своем месте — по-

пробуй займи! Даже в ее отсутствие это в голову бы никому не пришло.

На кухне стоял темный буфет с резными дверцами и толстенными мутными стеклами, в нем держали посуду и сладости: конфеты, печенье, фрукты. Сладости контролировала бабка Анна.

Готовила мать — бабка к хозяйству отношения не имела. Сидела она в своей комнате, читала газеты, что-то записывала в свои многочисленные рыхлые блокноты и слушала радио.

В третьей комнате, самой маленькой, жили родители.

А потом появилась Тёпа.

Позже он понял: бабка Анна Васильевна была аскетом — истинной дочерью своего времени. После ее смерти, разбирая ее барахло, были обнаружены две суконные юбки — коричневая и черная. Две блузки — белая, в желтизну от стирок и старости, и темная, из серой фланели, с катышками на рукавах и воротнике. Две пары ботинок — разношенных, со сбитыми каблуками и ветхими, растрепанными шнурками. Двое нижних панталон из бязи и байки и один бюстгальтер с поломанными крючками. Пальто из коричневого драпа висело в прихожей, рядом с «пыльником» из серого сукна на пластмассовых «обкусанных» пуговицах. Там же, в прихожей, торчал вечный зонт — черный, с потертостями на спицах и деревянной ручкой с облезлым лаком.

На комод в бабкиной комнате не было ни пузырька с одеколоном или духами, ни коробочки с пудрой, ни самой скромной брошечки, ни сережек, ни колечка.

Только дешёвые часы на дерматиновом ремешке.
И всё!

Столешница старого тяжелого комода была накрыта не салфеткой, не скатеркой, а куском старого и мутного плестигласа, под которым хранились пожелтевшие газетные вырезки — то, что бабка считала особенно важным.

— Ничем себя не порадовала, — тихо сказала мать, складывая в мешки бабкины вещи. — Словно и не женщина жила, а что-то непонятное, природе неизвестное, что-то среднего рода.

В комнате бабки еще долго стоял запах валерьянки, затхлости и чернил — писала она только старой перьевой ручкой.

После похорон и уборки в комнату бабки Анны переехали родители. В столовой была теперь гостиная — с телевизором «Рекорд», проигрывателем «Ригонда» и горкой с гостевой посудой — вот тогда и зажили, принимая гостей почти каждые выходные — мамину многочисленную родню, отцовских сотрудников и сотрудников матери.

Но продолжалось это недолго — только до рождения Тёпы.

Тот короткий отрезок жизни семьи — между смертью бабки и рождением Тёпы — был самым счастливым.

Мать расцвела, помолодела, со лба исчезла вечная суровая складка — бабкино присутствие довлело

во всем, не давая ей, молодой женщине, почувствовать себя хозяйкой.

Из дома исчезли запахи лекарств, старой одежды и обуви. Окна теперь распахивались настежь (мать обожала свежий воздух, а бабка вечно боялась сквозняков). Засверкали натертые мастикой полы, заиграли хрусталики на новой люстре — материной гордости, доставшейся с невероятным трудом и за немалые деньги.

Теперь в доме пахло пирогами, цветочными духами и жизнью. Все наконец начали *жить*.

Мать с какой-то одержимостью принялась готовить праздничные блюда — истосковалась по гостям, по общению, по веселому смеху.

Друзья родителей были людьми шумными, горластыми, вечно спорящими и с удовольствием выпивающими.

Спорили о международной политике и автопроме. Говорили о книгах, спектаклях — здесь подключались, конечно же, женщины.

Потом они уходили на кухню, махнув рукой на мужей — что с них взять, опять о политике, — и там продолжали свои бесконечные разговоры: дети, свекрови, наряды...

Отец приходил с работы и с удовольствием заваливался на новый диван в бывшей столовой. «Ох, красота!» — приговаривал он, листая газету и включая на громкий звук телевизор.

«Красота, и никаких нареканий!» — повторял он, поглядывая на мать. И они как-то загадочно переглядывались и почему-то смущались.

Больше всего Алексей любил понедельник. Придя из школы, в полном одиночестве, он с удовольствием прохаживался по квартире, врубал отцовский магнитофон и вместо супа доедал остатки с «барского стола» — чуть зачерствевшие пирожки, квадратики студня, селедку «под шубой» и одиноко плавающие на дне трехлитровой банки маринованные помидоры.

Жизнь была прекрасна — что и говорить!

После такого сказочного обеда Алексей заваливался на отцовский диван и быстро засыпал. Проснувшись, бежал во двор, к мальчишкам. Погонять мяч. За уроки садился только к вечеру, к приходу родителей.

Летом иногда ездили на дачу в Валентиновку. Дача тоже была деда и бабки Анны. Стояла она запущенная, одряхлевшая — никто особенно ею и не пользовался. Большой участок густо зарос бузиной и осокой, яблони переродились, и толку от них было мало — одна только тень и прохлада.

Родители были людьми не дачными: мать говорила, что мыть посуду в тазике — морока и унижение. Дом был сырой, с продувными, щелястыми окнами. Печка давно осыпалась и рассохлась — ее требовалось подлатать, замазать щели и побелить. Но... Заниматься всем этим «хозяйством», как раздраженно называл дачу отец, никому не хотелось.

Приезжали в субботу, а уже в воскресенье утром родители начинали торопливо и нервно собираться в Москву.

А ему — ему хотелось остаться! За участком было огромное футбольное поле и большое костровище —

там собиралась дачная молодежь. Гоняли в футбол, разжигали огромный костер, пекли картошку, пели песни, гомонили, смеялись — до рассвета, до самого утра. Расходились по домам только часам к пяти.

Алексей тоскливо поглядывал на честную компанию и тяжело и обреченно вздыхал — он не был ни с кем знаком, так получилось.

А подойти к ребятам смелости не хватало — робел.

С дачи Алексей всегда уезжал с сожалением и какой-то легкой и непонятной ему грустью. Слово опять не оправдались надежды — какие, правда, он не совсем понимал.

Так продолжалось три года. До самого рождения Тёпы.

Пока мать ходила беременная, Алексей нервничал. Конечно, ему хотелось брата.

Алексей рисовал себе мысленно, как он защищает его во дворе и в школе, как учит собирать металлический конструктор — грузовики и подъемный кран.

Как читает брату книжки — свои любимые, разумеется.

Про рождение девчонки, сестры, Алексей и не думал. С девчонками ему было все непонятно. Со всем непонятно. Да и несолидно как-то — сестра!

Нет, «брат» звучит лучше! Да и что делать с девчонками? Он решительно этого не понимал. Глупость какая-то: куклы, пластмассовая посудка, бантики, рюшечки...

Алексей наблюдал за девчонками во дворе: сидят, дурочки, крошат в кастрюльки подорожник, поме-